

Фан Хао был вынужден ответить: Ничего такого, чем стоило бы делиться... — Поразмыслив, он решил сказать правду: — Один человек есть, можно сказать и так.

Стоило его матери услышать это, как она тут же оживилась: Как зовут? Как выглядит? Покажи нам скорее!

Фан Хао беспомощно вздохнул: Ещё даже вилами на воде писано, если что-то серьёзное наклонется, тогда и расскажу. Хотя с Гу Чунем у них, скорее всего, ничего не выйдет, он всё же не хотел, чтобы брат и мать считали, будто за пределами работы у него вообще нет никакой социальной жизни. Иначе Фань Жолань снова начнёт сватать ему кого попало. За последние два года Фан Хао сходил на пару-тройку свиданий, и каждый раз всё заканчивалось неловкостью: скажешь, что кто-то приглянулся — тебя начинают насильно сводить, скажешь, что нет — обижаешь людей.

Фань Жолань оставила его в покое и переключилась на другое: Почему ты в последнее время не пускаешь меня к себе? Неужели так загружен на работе, что нет времени на уборку и дома у тебя настоящий бардак?

Фан Хао поднял телефон и показал матери обстановку вокруг: Ничего подобного, смотри, как у меня чисто. В свои выходные я только и делаю, что занимаюсь домашними делами. Просто Шэнцзе скоро возвращается в Пекин, вот и договорились, что он поживёт у меня пару дней.

Мать Фан Хао, Фань Жолань, спросила: Какие у вас с братом планы? Только не вздумайте снова каждый день таскаться в аэропорт.

Фан Хао рассмеялся: Пусть Шэнцзе делает что хочет. Когда буду свободен, отведу его в кино, накормлю чем-нибудь вкусным, в этот раз в аэропорт ни ногой.

Фан Шэнцзе, которому исполнилось всего девятнадцать, был уже очень рассудительным и поспешил вставить: Брат, ты в последнее время так занят на работе, я могу и один посидеть, не обязательно всё время со мной возиться.

Фань Жолань прониклась к Фан Хао сочувствием: И вправду, что у вас за компания такая... Эх, раз так много работы, неужели нельзя найти ещё одного человека на подмену?

Фан Хао лишь развёл руками: Ничего не поделаешь, остаётся только радоваться, что она уволилась не в самый пик летних перевозок.

Фань Жолань постаралась его утешить: Устал — отдохни, я знаю, что ты всегда хочешь сделать всё идеально, но некоторые вещи тебе не подвластны.

Фан Хао тихо ответил: Угу. Заметив, что кто-то позвал Фань Жолань, он сжал губы в лёгкой улыбке — похоже, личная жизнь матери в последнее время была ключом. И он искренне был за

неё рад.

После того как Фань Жолань отключилась, на линии остались только Фан Хао и Фан Шэнцзе. Фан Хао вспомнил о важном и спросил: Шэнцзе, когда у тебя рейс? В какой аэропорт прилетаешь? Билет уже купил?

Фан Шэнцзе ответил бодро: Давно купил, прилетаю в ваш аэропорт, хе-хе.

Фан Хао достал ручку: Диктуй номер рейса и время. Фан Шэнцзе с ранних лет уехал учиться за границу и часто летал международными рейсами. Фан Хао каждый раз записывал номер рейса, а потом молча отслеживал его в телефоне, обновляя страницу, пока самолёт не приземлится. За столько лет это вошло в привычку.

Фан Шэнцзе заглянул в телефон: CA 1462, 29 сентября, прилёт в Дасин в семь часов пять минут вечера.

Фан Хао записал данные на листке и с лёгким удивлением спросил: Купил билет как раз на день рождения? Не будешь отмечать с друзьями, с которыми проходишь стажировку в Шэньчжэне?

Брат рассмеялся на том конце провода: 30-го числа у меня встреча с одноклассниками из пекинской старшей школы, поэтому я решил вернуться на день раньше. А с шэньчжэньскими друзьями мы отпраздновали заранее. — Он помолчал и добавил: — Брат, только не покупай мне торт или что-то в этом роде, я сейчас на диете.

Тогда... — Фан Хао запнулся, — чего бы ты хотел?

Мне ничего не нужно, у меня и так всё есть, — вежливо ответил Фан Шэнцзе.

Фан Хао вздохнул: Ну ладно, тогда я сам что-нибудь придумаю.

Братья перекинулись ещё парой фраз и закончили разговор: ведь до встречи оставалось меньше недели.

За эти два года Фан Хао отчётливо почувствовал, как быстро повзрослел Фан Шэнцзе: он не только догнал его в росте, но и стал гораздо зрелее в поведении. Обучаясь в Великобритании на финансового математика, он уже обзавёлся собственным кругом общения и нашёл стажировку в Шэньчжэне. Фан Хао понимал, что в этом возрасте горизонты человека расширяются, становясь безбрежными, как линия горизонта, увиденная из кабины самолёта на большой высоте. По сравнению с жизнью Фан Шэнцзе его собственная напоминала медленный, бесконечно повторяющийся фильм. Он знал, что в пору его детства семья могла считаться лишь обычными представителями среднего класса: отец был бухгалтером, мать, Фань Жолань, — учителем английского в средней школе. Но всего за десять лет всё изменилось: родители

сменили работу, особенно Фань Жолань, ставшая одним из руководителей новой международной школы, и в доме неожиданно появились свободные деньги. Поэтому, когда пятнадцатилетний Фан Шэнцзе сказал, что хочет учиться за границей, у семьи нашлись средства его поддержать. Однажды глубокой ночью, в откровенном разговоре, Фань Жолань спросила Фан Хао: Ты не в обиде? Шэнцзе просто повезло больше. Фан Хао задумался и ответил: Да и мои оценки в то время были не настолько хороши, даже если бы захотел, вряд ли бы смог уехать.

А потом добавил: Почему я должен быть в обиде? На самом деле, это мне повезло больше. У меня было на десять лет больше времени с отцом, чем у Шэнцзе.

На самом деле, у него были и другие причины чувствовать себя везунчиком, о которых он не сказал Фань Жолань. Например, даже самые свободные в воспитании родители всегда чего-то ждут от детей, а с появлением Фан Шэнцзе с плеч Фан Хао упал груз ожиданий, и он мог заниматься тем, чем хочет, и любить того, кого хочет. А ещё Фан Шэнцзе был маленьким солнышком, согревающим всех вокруг. Когда на работе наваливался стресс или настроение было на нуле, стоило послушать его шутки, как всё становилось лучше.

Истинной причины расставания с бывшим парнем Лу Цзявэем Фан Хао так и не решился рассказать Фань Жолань — ему было стыдно. Но он рассказал Фан Шэнцзе, и с тех пор тот наотрез отказывался называть Лу Цзявэя по имени, величая его не иначе как подлец.

Фан Хао помнил, как тогда смеялся и говорил: Шэнцзе, всё не так просто.

Фан Шэнцзе, которому тогда было семнадцать, уже пережил одну неудачную первую любовь, но, глядя прямо в глаза брату, спросил: Но ведь этот человек был твоим парнем, он причинил тебе боль, не предложив разумного объяснения — разве это не его вина?

Фан Хао помнил, как тогда замер в нерешительности. А ведь и правда, возможно, всё было именно так просто.

Глава 15. Прощание

У Чэнь Цзяюя на этой неделе был лёгкий график — два дня он летал всего по три часа. Вернувшись в Лицзин, он вскоре получил звонок от Чан Биня, который пригласил его выпить и поужинать.

После того инцидента с экстренной посадкой в Сянгане Чэнь Цзяюй, как главный герой событий, получил от компании массу привилегий, прочно закрепившись на своей должности. А вот сорокадевятилетний старый капитан Чан Бинь не получил такого внимания, и спустя два месяца, соблазнившись высокой зарплатой, перешёл в Хайнаньские авиалинии. Чэнь Цзяюй знал, что у того подрастает дочь-старшеклассница и чета Чан планирует отправить её учиться за границу. Переход в другую компанию ради заработка и менее изматывающих задач был вполне логичным шагом, и Чэнь Цзяюй искренне радовался за своего старого напарника.

Возможно, из-за того, что после перехода в новую компанию Чан Бинь стал базироваться в Столичном аэропорту, их пути стали пересекаться реже, и отношения немного остыли — пожалуй, они не виделись больше года. Поэтому, получив сообщение от Чан Биня, он пришёл в восторг.

Чан Бинь назначил встречу в ресторане домашней кухни. Чэнь Цзяюй пришёл первым и заказал несколько холодных закусок.

Когда Чан Бинь подошёл, они крепко обнялись: Старина Чан, сколько лет, сколько зим! Как там Доудоу? — Доудоу было домашним прозвищем дочери Чан Биня, Чан Айжун.

Чан Бинь улыбнулся: Всё хорошо, готовится подавать документы на обучение за рубежом. Говорит, видела тебя в соцсетях, просила передать, чтобы ты чаще выкладывал посты, у тебя там столько поклонников.

Чэнь Цзяюй смущённо рассмеялся: Что-то действительно интересное выкладывать нельзя, я даже хотел вести прямые трансляции, учить людей пилотировать самолёт. Но разве ж такое позволишь?

Они перекинулись парой фраз и заказали еду. Когда подали первое горячее блюдо, Чан Бинь наполнил бокал Чэнь Цзяюя и произнёс: Цзяюй, я ведь позвал тебя не просто так, есть один разговор.

По тону Чан Биня Чэнь Цзяюй решил, что тому нужна помощь, и поспешил заверить: Старина Чан, если я могу чем-то помочь, не стесняйся, говори сразу.

Чан Бинь криво усмехнулся и покачал головой: Нет, дело не в этом. Я уйду на пенсию.

Чэнь Цзяюй был ошеломлён, его первой реакцией стало: Что случилось в компании? Если хочешь вернуться, мы всегда...

Чан Бинь покачал головой: Не вернусь. И в другие компании не пойду, просто больше не хочу летать.

Брат Бинь... — Чэнь Цзяюй не мог предположить такого развития событий и сейчас, даже будучи красноречивым, не находил нужных слов. Выразить сожаление? Чан Бинь принял это решение осознанно, взвесив все за и против. Поздравить? Чан Бинь был тем самым опытным пилотом, который когда-то ввёл Чэнь Цзяюя в профессию. Он был безупречно дисциплинирован, любил небо и знал его лучше всех, владел лицензиями на многие типы воздушных судов: от Эйрбасов до Эмбраер-175, Бомбардье и лёгких самолётов типа Сессна. В гражданской авиации немало капитанов, которые продолжают летать и после шестидесяти, и Чэнь Цзяюй знал, что лётная карьера Чан Биня далека от пресловутого совершенства. Поэтому слова поздравления застряли у него в горле.

Спустя долгое время Чэнь Цзяюй наконец спросил: Это из-за... тех событий в Сянгане?

Он догадался интуитивно. Чан Бинь промолчал, что было равносильно согласию.

За столом повисла тишина. Чан Бинь сделал глоток вина и сказал: Цзяюй, то, что я сейчас скажу, я не говорил никому другому. Сначала я думал промолчать, но раз уж я всё равно ухожу, решил быть с тобой откровенным. После Сянгана я полгода не садился за штурвал, ты, наверное, знаешь. На людях говорили, что оформляю документы при смене компании, но на самом деле мне нужно было время, чтобы прийти в себя. Позже я вернулся к полётам, но за эти два года понял, что с каждым разом мне всё труднее. Обычные, штатные полёты даются мне легко, но стоит возникнуть малейшей неполадке — даже самой незначительной — я не могу перестать представлять худший исход. Я не могу принимать решения, я боюсь, что моё решение не поможет нам вернуться на землю целыми и невредимыми.

<http://bllate.org/book/27721/3365140>